

Юрий Линник

Сольвейг (венок сонетов)

СОЛЬВЕЙГ (наброски к портрету Лариссы Андерсен)

СОЛЬВЕЙГ (венки сонетов)

Лариссе Андерсен

Магистрал

Я все-таки попробую вернуть
Весну и Сольвейг! Все начав сначала,
Теперь в тебе я вижу свет и суть —
Душа прозрела. И затосковала.

Увидимся ли мы когда-нибудь?
Недостижимость грез, идеала!
Мы разминутись — муки не минуть.
Нет брода! Нет моста! Нет перевала!

Вся жизнь моя похожа на транзит.
Менялись увлечения, стили, цели.
Ах, где она, конечная стоянка?

И вдруг меня наитие пронзит:
Я заблудился! Сбился! Неужели?
И что фортуна? Просто шарлатанка.

1

Я все-таки попробую вернуть
Рассеянное в мировом просторе!
Где «я» мое? Рассыпалось как ртуть:
Я на Земле — на Марсе — на Алькоре.

Я в странствия ушел себе на горе!
Все новизны искал — хотел глотнуть
Свободы полной! Стих звучит в миноре.
Пишу тебе. Прочти. Не обессудь.

Я адреса не помню твоего —
Пишу в пустое, стылое пространство.
Так. На авось. И моего сигнала

Не примешь ты! Прости за мотовство —
Ведь я пустил на ветер постоянство.
Весна и Сольвейг! Все начну сначала.

2

Весна и Сольвейг! Все начну сначала.
И вот сквозь пламя северных рябин
Мне видится — как в оптике кристалла —
Далекий и таинственный Харбин.

Ужель и вправду в мире нет вокзала,
Откуда можно, позабыв про сплин,
Умчаться в сны? Душа, ты возропала —
Для мятежа есть множество причин.

Бунтую против смысла и порядка?
Пусть так! Но ход времен я обращаю —
Хочу тебе на верность присягнуть.

В какой эпохе будет пересадка?
Я двигаюсь по гибельному краю.
Теперь в тебе я вижу свет и суть.

3

Теперь в тебе я вижу свет и суть.
Но поздно, поздно! Тьма в душе глухая —
И мне пунктирно видится твой путь.
Ах, что в конце? Экзотика Китая!

А где фиорды? Лодку не столкнуть —
Все высохло. И видимость плохая.
Но отсвет рампы различаю чуть:
Не ты ль танцуешь, бабочкой порхая?

А после рифмы ловишь на лету —
Пусть к ним возревновала Терпсихора,
Но в них ты вся: и ожиданье бала,

И томность яблонь в трепетном цвету!
Мы встретимся, наверное, нескоро.
Душа прозрела — и затосковала.

4

Душа прозрела — и затосковала
Среди ночных космических пустот.
На прошлое наложена опала!
Но мне оно покоя не дает.

Порывами неистового шквала
Я сдун с любимых северных широт.
Где ты когда-то Ибсена читала,
В нем находя опору и оплот.

Еще я помню звукозапись Грига, —
Я сам тогда тебе принес пластинку;
Ее поставить снова не забудь.

О, я познал неповторимость мига!
Все кануло. Я плачу под сурдинку.
Увидимся ли мы когда-нибудь?

5

Увидимся ли мы когда-нибудь?
Пусть не на этой — на другой планете,
Но я надеюсь вновь к тебе прильнуть,
В полете скоротав тысячелетье.

Сегодня мы встречаемся в сонете,
А завтра в жизни. Умоляю: будь!
Я вижу Сольвейг в яблоневои цвете —
Его ветрам вовеки не обдуть.

Условна смена городов и дат,
А безусловно в мире только чувство.
Я помню: ты у берега стояла —

И над тобою лебеди летят!
Пусть выразит сейчас мое искусство
Недостижимость грезы, идеала.

6

Недостижимость грезы, идеала!
Отсюда вся романтика Земли.
Маячила мечта — и пропадала;
И мы на мель садили корабли.

Но ты — другое! Около причала
Все ждешь меня — что светится вдали?
Вся в белом ты — как сказочная калла!
А ведь уже столетия прошли.

Но я все путешествую, бродяжу;
Плутая в лабиринте сновидений,
Я дал себя фантомам обмануть.

Меня не тянет к скальному пейзажу,
Где мы встречались — ах, не надо пеней!
Мы разминулись — муки не минуть.

7

Мы разминулись — муки не минуть.
О, я знаком с ознобом осознания,
Что ложен выбор! Это просто жуть:
Понять непоправимость опоздания.

Пускай меня завертит водокруть —
Иль омуты ночного мироздания!
Но только бы спасительно заснуть,
Забыв свои порывы и дерзания.

Я счастье безрассудно упустил.
Ах, как у Сольвейг попросить прощенья,
Когда меж нами эта бездна встала?

Плыву среди неведомых светил.
Другая даль. Другие измерения.
Нет брода! Нет моста! Нет перевала!

Нет брода! Нет моста! Нет перевала!
 Но все-таки я волю соберу —
 Не ты ль в потемках сердца воссияла?
 Я зло творил — и вдруг тянусь к добру.

Нет в небесах ни одного прогала —
 Как провалился в черную дыру!
 Но что Аид? Элизиум? Валгалла?
 Воскресну я — и больше не умру.

Ты вызволишь меня из царства смерти
 Своей любовью! В новом воплощеньи
 Нам жаворонок снова прозвенит.

Рванулся я из адской коловерти —
 И мир увидел в резком освещеньи:
 Вся жизнь моя похожа на транзит!

Вся жизнь моя похожа на транзит!
 Менял я страны. А потом планеты.
 Уверен я: мне скука не грозит.
 Мои вам привет, скитальцы и поэты.

Мы тягой к неизвестному задеты —
 Никто из нас корней не сохранит!
 С мест сорваны, мы шальные кометы,
 Противники расчисленных орбит.

Дойдя до края Млечного Пути,
 Гляжу на Деву, на Кассиопею, —
 Ах, что сирены мне опять пропели?

Тебя я брошу — как тут ни крути;
 И угрызенья совести развею:
 Менялись увлечения, стили, цели.

Менялись увлечения, стили, цели.
 И музы тоже! Я в плену тщеты, —
 Но вновь меня сомненья одолели.
 Ведь это факт: мне снишься только ты.

И вновь я слышу наигрыш свирели;
 И вновь гляжу на внешние цветы —
 Теперь ты обожаешь иммортели!
 Меня спасает память красоты.

Вот в ней сейчас отчетливо встают
 Глаза твои. И волосы льняные.
 И звонкий смех. И легкая осанка.

Я раньше не умел ценить уют —
И я ушел в просторы ледяные!
Ах, где она, конечная стоянка?

11

Ах, где она, конечная стоянка?
Я понапрасну напрягаю взгляд —
И не поможет здесь трава-очанка!
Земли совсем не видно из Плеяд.

Но вот кристалл — прекрасная огранка!
И в нем я вижу: на Земле — разлад.
О, Сольвейг! Ты какой страны гражданка?
Луара. Замки. Солнце. Виноград.

А где озера? И родные сосны?
И книги Гамсуна в библиотеке?
Любила ты эпический гранит —

Ты обожала северные весны!
Но что случилось в этом страшном веке?
И вдруг меня наитие пронзит.

12

И вдруг меня наитие пронзит:
Бог испытует нас. Причем сурово!
Отсюда в судьбах мрачный колорит.
Мы дети века — лживого и злого.

И все же я поверил в Бога-Слово!
Я у него совсем не фаворит,
Но в жажде счастья — теплого, простого —
Он все бесспорней мне благоволит.

Из нас любой по сути, как Иов:
Мы столько раз последнее теряли,
Над столькими могилами скорбели!

На старость лет пошли мне верный кров.
Но нет его в пустынном зазеркалье —
Я заблудился! Сбился! Неужели?

13

Я заблудился! Сбился! Неужели
Мне выхода из лабиринта нет?
Но вот утихли ветры и метели —
И я увидел несказанный свет.

Ты, Сольвейг, ты! Фанфары загремели.
Ты, Сольвейг, ты! По множеству примет
Я узнаю и валуны, и ели,

И старый дом, где не был тыщу лет.

О, Господи, мы молоды опять.
Все повторится в лучшем варианте —
И будет петь уютная шарманка;

И прошлое начну я забывать:
Инферно я познал не хуже Данте.
И что фортуна? Просто шарлатанка!

14

И что фортуна? Просто шарлатанка.
Тот яблоневый сад сгорел дотла —
И я теперь повсюду чужестранка!
Но в сердце нет ни ропота, ни зла.

Гармония — совсем не перебранка —
В звучании культур душе мила.
О, мне открылась бытия изнанка!
Ушел Пер-Гюнт в ночные зеркала.

Тоскует Сольвейг. Плачет Ярославна.
Века проходят в ожиданьи чуда.
Спасти его! Упасть ему на грудь.

Пускай судьба слепа и своенравна —
Любимый мой, тебя из ниоткуда
Я все-таки попробую вернуть.

28–30.IV.97

Публикуется по изданию: Линник Ю. Сольвейг: Альманах Юрия Линника. – Петрозаводск: МКИ
им. Н.К.Рериха, 1997.

СОЛЬВЕЙГ (наброски к портрету Лариссы Андерсен)

1

Изредка я получаю письма от Сольвейг.

Вы скажете, что это невозможно: переписка с легендой, сказкой, мифом. В нашем веке возможно! Так было раньше: для того, чтобы лицо или событие превратилось в миф, требовались долгие годы. Но теперь время сжалось и ускорилося. Разве далеки от нас хронологически Николай Гумилев и Анна Ахматова? Тем не менее мы видим их в ореоле мифа. Как и Петербург тех лет, когда создавались «Жемчуга» и «Четки».

Судьбы русских поэтов XX века создают благодатную почву для своеобразного, не знающего аналогий мифогенеза. Это относится к поэтам как метрополии, так и диаспоры. «Миф есть чудо», — говорил А.Ф.Лосев. Сегодня таким чудом представляется нам русский поэтический Харбин 20–40-х годов. Положение этого города тогда было двойственно: географически он находился в Китае — и в то же время казался частью России. Ведь здесь давно обосновались россияне, строившие и обслуживавшие КВЖД. Русская колония многократно увеличилась после гражданской войны. Институты, издательства, церкви, школы: все это было в эмигрантском Харбине, который жил и функционировал как полноценный русский город. Но только не было в нем ни КГБ, ни Обллита. И вместо революционных лозунгов висели на его улицах добротные купеческие вывески с привычными «ять». Время как бы остановилось в Харбине. А мы знаем: это типичный мотив волшебной сказки. Пусть жизнь русских харбинцев была совсем не идиллической — речь сейчас о другом наше восприятие Харбина — издали, со стороны — неизбежно будет идеализирующим. И потому мифотворческим! Это закономерно — и это прекрасно: культура не может существовать без мифа — вне мифа.

В русском Харбине возникла замечательная поэтическая школа. Очень разных, не похожих друг на друга поэтов взрастила она. И все же будущий исследователь отметит, что есть в их голосах некая трудно уловимая и определяемая, но явная для чуткого слуха общность — напечатленье «гения места». Поэтов пражского «Скита» мы сразу отличаем от поэтов «Парижской ноты». Вот и над Харбинскими стихами стоит совершенно особая аура.

«Молодая Чураевка»: так называлось объединение поэтов Харбина, созданное Алексеем Ачаиrom в 1926 г. Вероятно, он читал тогда роман Г.Гребенщикова «Чураевы» — потому и воспользовался сибирским топонимом: это была игра, каприз — не более того. Чураевка прочно вписалась в духовную жизнь Харбина — она стала питомником для многих талантов. Юные и романтические поэты подчас были склонны мифологизировать реальность. Когда на их горизонте появилась пятнадцатилетняя Ларисса Андерсен, то сразу пошли в ход мифопоэтические ассоциации:

— Сольвейг!

— Джиоконда!

Два эти образа, как бы накладываясь и друг на друга, и на очаровательный прототип, помогают нам представить если не саму Лариссу Андерсен, то атмосферу восхищения и влюбленности, царившую вокруг нее.

*Близость смерти бойцу не редкость —
Через кровь судьба повела,
А тебе что дано от предка,
Кроме синих фиордов глаз?*

Это стихи Николая Петереца, влюбленного в Лариссу Андерсен. А вот строки его соперника Георгия Гранина:

*Ничего. Веселись и безумствуй.
Ничего, если ты для стихов.
Если ты для святого искусства
Не чернила изводишь, а кровь.*

*Ничего, если даже смешон ты.
Ничего, что в душе кочевой
Только светлая память о ком-то.
Ничего, что крадут Джиоконду;
Ничего. Ничего.*

В скандинавском духе воспринял Лариссу Андерсен (был он тогда ненамного старше ее) Валерий Перелешин:

*Вы в Валгалле бойцов ласкали, —
Не о них ли ваш взор скорбит?..*

В книге воспоминаний поэта «Два полустанка» есть глава «Сольвейг», которую мы сейчас процитируем: «В тот сезон Ларисса Андерсен носила вязаный свитер с двойным воротником и длинные волосы, как у средневековых пажей. На собраниях говорила мало. Когда наступала ее очередь, высказывалась немногословно, но всегда образно и по существу. Щеголяла словечком «вот». А потом опять вязала какую-то блузку или жакетку. И очень внимательно слушала. Почти сразу я увидел, что в Лариссу все были влюблены. Ее скандинавское имя веяло сказками Андерсена (фамилия ее отца была Андерсон), феями и русалками, и дальше возникали образы Ибсена, и Ларисса воспевалась почти непрерывно как новоявленная Сольвейг. Скандинавскими образами наполнились все головы и сердца, со всех перьев лились вдохновенные строки о Сольвейг...»

Казалось бы, стихотворение поэтессы «Северное племя» поддерживает и укрепляет романтизированное восприятие ее образа — однако написано оно явно не с этой целью. Перед нами один из автопортретов Лариссы Андерсен — в нем нет ни капли самолюбования, но есть сложная игра светотени, адекватная рано понятым противоречиям бытия:

*Пусть за все терновою наградой,
Нам не рай обещан голубой,
А тоской пронизанная радость
И охваченная счастьем боль.*

Строфа целиком строится на оксюморонах. Это не просто прием, а чуткая реакция души на сдвиги и колебания смыслов, вызванные потрясениями века. Вот еще один замечательный оксюморон Лариссы Андерсен:

Живем в густой, стесненной пустоте...

Это не только об эмигрантской судьбе — тут отразилась экзистенция времени.

Романтическое начало — и предельная правдивость, искренность сочетание этих качеств в стихах Лариссы Андерсен тоже напоминает поэтику оксюморона. Ее всегда влекла атмосфера волшебства, сказки, — но и в прозе жизни она находила источник вдохновения. Отсюда удивительная двуплановость ее поэзии: вот творимая легенда — а вот действительность без всякого флера. Если тут есть взаимоотталкивание, то оно сродни природе магнита: между полюсами рождается напряжение настоящего творчества.

*Тяжелой, тяжелой мантией
За мною, не мне любовь...*

Ясно, что мантия — романтический аксессуар. Но как тонко и точно передают стихи контрапункт чувств!

*— Ну что ты такая грустная?
— Я не грустна, а зла.
Я никогда с нагрузкою
Такою вот не жила.
Я убегу, возлюбленный.
Одна, в темноту, в пустырь.
Туда, где над елью срубленной
Подзвездная дышит ширь.
Не жди меня... Не зови хотя б...
Не обещаю тепла!
Затем, чтобы словно нехотя,
Я снова к тебе пришла.*

Любовь — это и крест, и счастье. Наверное, бывает не только крестная мука, но и крестное счастье. Именно о таком счастье пишет Ларисса Андерсен:

*И закричать, зазвенеть
Ветру, дороге и полю...
Слов человеческих нет
Этому счастью и боли!*

Иногда поэтессе грезится обычное — безоблачное — счастье. Но оно всегда оказывается недоступным — подобно воспоминанию, которое нельзя оплотнить. Такое счастье — всегда в прошлом. Как золотой век человечества. Как дом далекого детства.

*Счастье-то... спряталось в дом украдкой!
Ишь, переполненный счастьем дом.
Ставни тугие зажмурил сладко.*

Память постоянно творит свои мифы о счастье. Как и упование, чаянье: только счастье для них — не в прошлом, а в неопределенном будущем.

*И, по привычке, без упрёка.
Я вижу, что уют и дом
Мне суждены совсем в далеком,
Совсем несбыточном «потом».*

Стихи «Осень» и «Дом», только что процитированные нами, идут в единственной книге поэтессы «По земным лугам» (Шанхай, 1940) вслед друг за другом.

Они — как два порыва души: один обращен в прошлое, другой — в будущее. В настоящем поэтесса не находит идиллического счастья. Но не сетует на это. Ведь радость любви — и шире: радость бытия — возможны без счастья.

Никакого счастья у нас не будет.

Никакого счастья нигде и нет.

Так начинается удивительное стихотворение «Цветок». А вот его финал:

Я, одна из любимых, на весенней земле, вот тут,

В этот короткий, во тьму ускользающий миг.

Чуждому, тебе, так близка, что слышу, как боль щемит...

Прекрасные строки звучат на ноте высочайшего счастья. И разве трагизм не делает это счастье еще более полным и безусловным? Отрицание переходит в утверждение. И эта метаморфоза — знак силы духа.

Мы должны не страдать. И просить не должны ни о чем.

Эти строки очень любил Александр Вертинский. Замечательный факт: он напечатал рецензию на книгу поэтессы еще до того, как она вышла в свет. Книга должна была называться «Печальное вино» — под таким названием она и фигурирует в статье Вертинского («Шанхайская заря», 21. 4. 1940, № 4820). Вот некоторые выдержки из нее: «прекрасные и терпкие стихи» ... «я бы мог без конца цитировать ее» ... «ее вещи как бы вырезаны из одного целого куска материала» ...

«Печальное вино»: это ведь тоже оксюморон. За стилистической фигурой встают судьба, личность. Судьба — интереснейшая, личность — ярчайшая. В ряду русских поэтесс XX века Ларисса Андерсен занимает свое уникальное, неповторимое место.

Когда думаешь об ибсеновской Сольвейг, то видишь ее на фоне лунной ночи, — пленительная музыка Грига тоже ассоциируется с этим романтическим освещением.

В стихах Лариссы Андерсен много лунного света. Ее метафоры часто связаны с луной, месяцем — вот одна из них:

*Месяц всплыл на небе, золотая.
Легкою палаткой кочевой...*

Это месяц кочевий, странствий. Их было много в жизни Лариссы Андерсен. После Харбина и Шанхая — Цейлон и Таити. А теперь — Франция: живет она в маленьком городке Иссанжо, на берегу Верхней Луары.

Вот еще одна метафора:

*Новый месяц засмотрится в море
И рассыпет вязанку лучей.*

Это строки из стихотворения «Парус», в котором много южной экзотики: распускаются абрикосы; травы веют пряными запахами. Впрочем, для поэтессы это совсем не экзотика, а естественное окружение. Сольвейг на юге: странно, парадоксально — и вместе с тем вполне органично. Таков оксюморон судьбы.

Еще один излюбленный образ — цветущая яблоня: в ней поэтесса видит что-то бесконечно родное, близкое. Поэтому стихи о яблоне — одновременно автопортреты.

*Сладким, безумным, предсмертным ядом
Яблони майскую ночь поят...
Знаю я — всем нам, цветущим, надо
Прятать в груди этот страшный яд.*

В изумительном стихотворении «Зеркала» поэтесса пишет о том, как дробится, расщепляется на самые разные ипостаси ее лик. Это беспощадные по отношению к себе стихи. Контрастное письмо здесь достигает предельной выразительности. Смотрите: в одном зеркале отразилось что-то босховское — ужасное, отталкивающее. Но зато в другом, рядом, сияет яблоня:

*Одна, как яблоня, в покрове белом...
Да, яблоня... Так кто-то звал меня...*

Полнота самоотдачи; безумие счастья; неизбежность гибели: вот о чем из стихов Лариссы Андерсен говорит весенняя яблоня. А через нее — душа большого художника, для которого трагическая диалектика бытия — не отвлеченная философема, а личный опыт.

Настоящая поэзия в чем-то сродни магии. Об этом родстве хорошо знает Ларисса Андерсен. Есть у нее чудесные стихи о волхвовании, колдовстве, — вот строки из стихотворения «Колдунья»:

*В темноту моих волос
Ветер впутывает песню, —
Кто ответит на вопрос,
Тот исчезнет, тот исчезнет...*

Ритмы древних заклятий воскресают в этих стихах. Таинственная языческая стихия! Поэтесса знает ее власть над собой. Как знает и другое: зов христианства — жажду раскаянья, молитвы.

*Надо молиться много,
Долго и не спеша,
Чтоб добралась до Бога,
Как ручеек, душа.*

Это строки из стихотворения «Молитва», опубликованного в парижском журнале «Возрождение» (июнь, 1970). Призыв «надо молиться» повторяется здесь шестикратно — с разными наречиями: «часто» — «сильно» — «страстно» — «строго» — «чисто». И в этих стихах есть что-то от заклинаний. Только теперь они звучат не в хижине ведуньи, а скорее в католическом храме — среди экстаза готики. Язычество и христианство: для поэзии между ними нет разрыва — от заклинаний к молитвам сохранным переходит экспрессия ритма... Поэтесса проявляла определенный интерес к Агни Йоге Н.К.Рериха, с которым встречалась лично, — но ее увлекала и проповедь архиепископа Иоанна Шаховского. Это несовместимо? Однако духовный мир может быть построен по типу оксюморона.

Ларисса Андерсен не боится противоречий. И не боится прямо говорить о них:

*Мне страшно снять монашье платье...
Но сердце — молодой бунтарь,
Не думающий о расплате.*

Мы не можем сказать, условны или автобиографичны эти стихи, — однако друг поэтессы Валерий Перелешин в конце, тридцатых годов действительно принял монашеский постриг. И он испытал то же самое противоречие: между «суровым уставом» — и «зельем весны». Или духом свободы: для художника он в конечном итоге всегда берет верх. И Ларисса Андерсен тут не исключение:

*Я не стану святой и строгой, —
Так привычно моим ногам
Уставать по земным дорогам,
Танцевать по земным лугам.
Я девчонкой в лесу когда-то
Припадала к земной груди,
И пьянит меня даже ладан,
Словно запах лесных гвоздик.*

Трижды — причем фактически без пауз — в стихах повторяется эпитет «земной». Небесное во внутренних борениях художника уступило земному? Однако это не привело к обрыву связи с высшим, вечным. Искусству противопоказана бесплотность. Обращая взгляд горе, оно не отрывается от почвы — иначе обесточится, погибнет. Да, художником может овладеть глубокое чувство раскаянья:

*Я виновата перед Богом,
Я как растратчик, как банкрот...*

Но делать культ из этой вины он не должен. Ведь сцена и мастерская — вовсе не монастырь. Хотя в пространстве оксюморона они могут парадоксально накладываться друг на друга.

Танцевать по земным лугам...

Это сказано не случайно: муза танца в судьбе Лариссы Андерсен действительно спорила с музой поэзии — и порой имела перевес над нею. Ларисса Андерсен снискала славу на подмостках Шанхая как блестящая танцовщица. Быть может, именно в искусстве танца небесное и земное теснее всего переплетаются друг с другом — и поэтому Ларисса Андерсен посвятила себя не только Эрато, но и Терпсихоре.

Глядя на портрет молодой Лариссы Андерсен, я вспоминаю строки Бориса Пастернака:

Что сравнится с женской силой?

Речь идет о силе обаяния — Бог сподобил Лариссу Андерсен редкостной красотой. Это добрая, лучезарная красота — в ней нет ничего рокового, демонического. Но ведь и такая красота может сводить с ума, толкая влюбленных на жуткие, фатально непоправимые поступки. Виноваты ли в этом красавицы? Чаще всего нет. Не всякой любви суждено стать взаимной.

Меня всегда корбило от строк Андрея Вознесенского, где он пишет об успехе поэта у женщин:

Доходит до самоубийств...

Будто этим можно гордиться — смертью другого человека. Суицид в истории поэзии — тема горестная, тяжелая. Русское зарубежье пополняет траурный список метрополии.

Харбин был потрясен этой новостью: два молодых поэта — Георгий Гранин и Сергей Сергин — совместно покончили жизнь самоубийством в гостинице «Нанкин». Первый был сподвижником фашиста К.Родзаевского — второй написал в предсмертной записке: «Слава великому Сталину!». Но что для смерти идеологические разногласия?

Мотивы самоубийства двух одаренных юношей для всех остались загадкой. Однако воспоминания В.Перелешина «Два полустанка» многое объясняют в отчаянном поступке Гранина. Мы уже писали о его любви. Кого упрекать в том, что она осталась безответной? Ларисса Николаевна хранит последние письма Гранина — страстные, полные тоски и безнадежности... А в ее альбоме сохранились строки поэта:

*Несмотря ни на что:
Через сумерки буден,
Через тысячи лет —
На ветру, без огня. —*

*Несмотря ни на что! —
Никогда не забудешь,
Никогда не простишь.
Не отвергнешь меня.*

1 3/1–33.

Теперь эта печальная история — часть мифа о харбинской Сольвейг.

Много восторженных стихов вписали в альбом Лариссы Андерсен разные поэты. Недавно стараниями Э.Штейна, лучшего знатока поэзии Русского зарубежья, этот альбом был издан в виде репринта. Уникальному изданию нет цены! Книга «Остров Лариссы» * — тоже миф, чудо, легенда.

Почему «Остров»? Это реминисценция: в 1946 г. в Шанхае вышла книга под таким названием, — быть может, самая необычная и по замыслу, и по структуре в истории русской поэзии.

«Остров» родился в лоне игры.

Это высокая игра — наподобие той, о которой писал в своем романе Герман Гессе. Печать трагизма и силы духа лежит на этой игре.

Вот что об истории «Острова» пишет в предисловии к нему поэт Николай Щеголев: «Два года, каждую пятницу, сходились мы у этого овального стола, на своем искусственном острове, а вокруг бушевала война, свирепствовали японские оккупанты, царил жесточайший моральный и материальный гнет».

И далее: «Надо было создавать хотя бы искусственные стимулы и условия для творчества, чтоб не задохнуться в мертвящей атмосфере. И писание на заданные темы, вынимаемые из «урны» (просто-напросто стакана), в порядке «дисциплины», стало одним из условий. Все-таки стимул!»

Но не будут ли внешние рамки сковывать свободное вдохновение поэта?

Законные сомнения на этот счет развеивает Валерии Перелешин, один из участников «Острова»: «Заданная тема только выглядит заданной, а на самом деле поэт остается совершенно свободным, пишет так, как хочет, и о том, что вызывает у него отклики».

Правоту В.Перелешина ощутит каждый, кому доведется прочесть раритетный «Остров». Захватывающее чтение! В книге 20 тем — перечислим их: Дым, Карусель, Кольцо, Камея, Светильник, Море, Химера, Пустыня, Ангел, Феникс. Сквозь цветное стекло, Кошка, Достоевский, Россия, Дом, Зеркало, Колокол, Мы плетем кружева, Поэт, Джиоконда. По предложению В.Перелешина, стихи располагаются «веерами» — по тематическим циклам: авторы сменяют друг друга в алфавитном порядке. Большинство «вееров» открывается стихами Лариссы Андерсен.

Вот как поэтесса развивает тему «Сквозь цветное стекло», отталкиваясь от образов русской сказки:

Но только случилось, что стекле разбило шальная стрела
Царевна взглянула, вздохнула, заплакала и умерла.

Не выдержала прямой встречи с реальностью? Судьба поэтессы оказалась иной: не поступаясь «цветными стеклами» сказки и мифа, она сумела закалить их — и сохранным пронесла по рывкам жизни.

Ларисса Андерсен — большой поэт. Наполненные сложным движением чувства, ее стихи всегда своеобразны по форме, по интонационному рисунку. В теме любви она проявляет предельную искренность. И уж чего нет в ее стихах, так это жеманничанья и манерничанья — верных признаков «дамской» поэзии. Все в этих стихах настоящее — и реалии жизни, и «голубое марево». Дымка мечты, ореол мифа — и это подлинное: потому не развеялось за долгую и непростую жизнь.

Вот одно из лучших стихотворений поэтессы о любви — «Наш дом»:

*Когда-то с черным котом
(что «сам по себе» у Киплинга)
мы жили вдвоем...
И был наш спокойный дом
спокойной любовью к викингам
и книгам
чуть-чуть согрет.
И этот прохладный свет*

*просторного одиночества
ни для кого мерцал;
напрасно чьи-то сердца
ловили, словно пророчество.
в стихах моих тайный зной.*

*Ну как не поймешь, любимый мой,
что мне, тревожной, как бред,
так странно, так трудно в этой новой игре,
на груди человечьей, простой
найти такой...
покой?*

Какое свободное дыхание в этих стихах! И еще — высшая непосредственность: знак истинного дарования.

Вернемся к «Острову». Каждый «веер» в нем воистину полифоничен: тема, объединяющая поэтов, развивается с удивительным разнообразием. Не имеем ли мы перед собой редкостный пример соборного творчества? Оно не накладывает никаких ограничений — скорее наоборот: личность расковывается, по-новому проявляет себя в соборном контексте. Шанхайское содружество поэтов — и поэтов первоклассных, а не второй руки — тоже будет восприниматься будущим читателем как прекрасный и трагический миф.

Вот строки Лариссы Андерсен, открывающие «веер», посвященный Джиоконде:

*Джиоконда. Джиоконда.
В мире гибнет красота.
Продан мир, торговцу отдан.
Мир не тот, и ты не та...*

Но Сольвейг Петереца и Джиоконда Гранина не изменила себе! Через все перипетии века она пронесла верность поэзии и любовь к жизни.

*Там нет чудес и нет участия...
И встанет новый день во зле...
Но жить, но быть какой-то частью
Здесь, на затоптанной земле...*

Как захватывает витальная энергия этих строк! Они из поздних стихов поэтессы: журнал «Возрождение» (X, 1969) прислан мне автором — бесценная реликвия.

Ларисса Андерсен еще и художник: в одном из ее пейзажей Верхней Луары мне почудилось что-то карельское, северное — и я написал ей об этом. Поэтесса мне ответила, что Карелия манит ее. И это понятно: ведь она действительно Сольвейг, дочь Севера, волей судьбы перенесенная на другие широты. Нордические мотивы идут у нее из глубины родовой памяти.

Поэтесса любит природу, животных. Вот она изображает себя вместе с конем:

*Поля и степь... Взгляни вперед, назад...
О, этот ветер, треплющий нам гривы!
Коню и мне. Скажи, ты тоже рад?
Ты так красив! И я, и я красива!*

Сколько азарта в этих стихах! И безоглядчивой искренности. И мудрой детскости.

А вот стихи, обращенные к кошке:

*Мы — игрушки обе. Обе — ты и я!
Мучай нас, не мучай — мы всегда верны
Древней и дремучей радости весны.*

Русские поэты любят писать о животных. Но думается, что мало кто из них входил с ними в столь глубокий и душевный контакт, как это делает Ларисса Андерсен. Поэтесса умеет живописать словом:

*По всем косякам и карнизам
Вскарабкался хмель золотой.*

Строки эти — как легкие пергалы: они сами сплошь затканы хмелем — молодым, пьянящим, Слова переплетаются с травами! Гак и должно быть в настоящей поэзии.

Это всегда радость: письма от Сольвейг.

Ее адрес мне сообщил незадолго до своего ухода В.Ф.Перелешин, бесспорный классик русской поэзии. Жил Валерий Францевич в Бразилии; Ларисса Николаевна давно поселилась во Франции; ксерокопию легендарного «Острова» мне прислали друзья поэта из Австралии. Сколь широка амплитуда русского рассеяния! И вот что поразительно: на всех широтах диаспоры с изгнанниками была поэзия — книги русских стихов выходили в Праге и Белграде, Сиднее и Сан-Франциско, Торонто и Рио-де-Жанейро.

Обращением к будущему читателю звучат сегодня строки Лариссы Андерсен:

*Кто б у нас ни взял на счастье право,
Эти люди, или этот Рок, —
Но тебя я встречу у заставы,
Где-нибудь скрестившихся дорог.*

Вероятность такой встречи еще недавно казалась ничтожно малой. И все же она произошла. Это ли не чудесно? У любителя поэзии — настоящее пиршество: дивные стихи возвращаются в Россию из всех точек рассеяния.

*Я прохожу по длинной галерее.
Вдоль стен стоят большие зеркала.
Я не смотрю... Иду... Иду скорее...
Но нет конца зиянию стекла.
Я, всюду я. Назойливая свита!
Рабы. Рефлексы. Тени бытия...
Беспрекословной преданностью слиты
С моей судьбою. Так же, как и я.
Стою, — стоят. И ждут. И смотрят тупо,
Трусливо безответственность храня, —
Непревзойденно сыгранная труппа
Актеров, представляющих меня.*

Я снова цитирую «Зеркала». Великолепные стихи! Пусть в их гранях еще раз отразится цветущая яблоня:

*Надо быть всегда и всем довольной...
Месяц — парус, небо — звездный пруд,
И никто не знает, как мне больно
Оттого, что яблони цветут!*

Вот как автора этих строк вспоминает Ю.Крузенштерн-Петерец: «Лариссе было в то время лет пятнадцать. Темные кудри вокруг бледного личика, синие глаза, белое воздушное платье — более воздушной, «яблоневой» девушки я никогда не видела».

Сольвейг среди цветущих яблонь...

Это и реальность, и сказка — нечто действительное и мифоподобное одновременно.

Вот весточка от Сольвейг. Даже не верится! Но теперь я знаю: и в этом мире порой случаются чудеса.

Статья опубликована в изданиях:

Упование: альманах Юрия Линника. — Петрозаводск: Святой остров, 1994.

Журнал «Грани» №177, 1995.